

— Смотрел, — спокойно ответил Ся Цинцы, укладывая свои книги. — Возможно, он считает, что обращение в школу бесполезно.

Если человека донимают один или два раза, это можно пережить. Но если это происходит постоянно, и он оказывается в более слабой позиции, то вместо помощи можно получить лишь злые домыслы.

Вроде «мухи не садятся на целое яйцо», «если ты ничего не сделал, почему это происходит только с тобой», «почему у тебя всегда проблемы, может, стоит задуматься о себе». Подобные фразы он слышал много раз в прошлой жизни.

— Как это бесполезно? — начал Тан Юань, но, вспомнив что-то, замолчал, взглянув на последний ряд.

Для некоторых это действительно могло быть бесполезным.

— Что за дела, — усмехнулся Тан Юань. — Староста, ты знаешь, кто это? Думаю, лучший способ справиться с такими — дать им почувствовать то же самое.

— Можно было бы надеть на них мешок и проучить.

Тан Юань добавил:

— Скажи в классе, чтобы ключи оставались у тебя. После уроков в пятницу больше не возвращайся в класс.

Ся Цинцы продолжал укладывать книги, пока Тан Юань говорил. Зная, что тот беспокоится о нём, он подумал и ответил:

— Не переживай. Я каждый день забираю книги домой, стол можно заменить. Если обращать на них внимание, они станут ещё наглее. Я сам разберусь.

— Как ты разберёшься? — с беспокойством спросил Тан Юань. Его староста был всего лишь семнадцатилетним школьником, пусть и с хорошими оценками, но он не мог сравниться с теми, у кого за спиной были деньги и власть.

Этот горький урок им придётся проглотить.

Перед самым началом урока вошёл Се Бинмянь, держа в руках коробку. Проходя мимо Ся Цинцы, он на мгновение задержался, а затем направился к последнему ряду.

— Второй брат?

Мэн Фэйюй, заметив изысканный узор на коробке, понял, что это завтрак из «Юньцзи». Их завтраки славились тем, что их трудно достать, и они были очень дорогими.

— Для старосты?

— Да, боюсь, он потом разозлится, — с усмешкой сказал Се Бинмянь. — А он точно разозлится.

— Что ты натворил? — с любопытством спросил Мэн Фэйюй.

Се Бинмянь лениво ответил:

— Ничего особенного. Просто теперь он будет каждый день обучать меня китайскому, математике, английскому, физике, химии и биологии. Будет находить время для дополнительных занятий, отвечать за мою успеваемость, не сможет отказывать, когда я его позову, и даже сможет заниматься со мной на его работе... Вот и всё.

Мэн Фэйюй и Е Ци переглянулись, выражения их лиц были одинаково красноречивы, и они решительно не собирались комментировать услышанное.

Е Ци хотел спросить, не разозлится ли староста, когда узнает, ведь он действительно думал, что Второй брат поговорит с Учителем Чжаном. Но, взглянув на самодовольное выражение лица Се Бинмяня, он решил промолчать.

— Сегодня утром стол старосты испортили краской. Он сходил в студенческий совет заменить его, — вспомнил Мэн Фэйюй. — Кажется, это кто-то из нашего класса. Цзи Юань приходил к тебе, вероятно, чтобы рассказать об этом.

— Я встретил его по пути, он мне всё рассказал.

Се Бинмянь бросил взгляд в угол класса, где сидел парень в очках, наблюдавший за ним. Заметив его взгляд, тот смущённо отвёл глаза.

— Теперь староста будет обучать меня, и я не хочу, чтобы его что-то отвлекло, — лениво произнёс Се Бинмянь. — Давно я никого не воспитывал.

Эти слова заставили Мэн Фэйюя и Е Ци почувствовать холодок по спине. Вспомнив, как Второй брат дрался, они оба слегка напряглись.

Перед началом урока Ся Цинцы собрал домашние задания. Все работы должны были быть сданы ему для проверки, но несколько человек не сделали их, и он лично отправился к ним.

— Староста, я не сделал задание, не записывай меня, пожалуйста. Я обязательно сдам его после обеда.

Ся Цинцы подошёл к последнему ряду у двери, где сидели Сунь Пин и ещё несколько спортсменов. Они часто пропускали задания из-за тренировок или просто лени.

— Учитель ждёт работы до начала урока, — спокойно, но холодно ответил Ся Цинцы, давая понять, что задания нужно сдать сейчас.

— Мы тренировались последние дни, у нас совсем не было времени. Староста, сделай исключение.

— Можете написать сейчас, ещё есть время. Сделайте, что успеете.

— Сейчас уже не успеть, — равнодушно сказал парень. — Просто не записывай нас, учитель всё равно не узнает. Сделай исключение, это не смертельно.

Ся Цинцы ничего не ответил, записав имена тех, кто не сдал задания. Затем он спросил двух девушек, которые только что дописали работы и сдали их, пообещав, что в следующий раз всё сделают.

Их он не записал. Кто-то рядом усмехнулся, и он развернулся, чтобы уйти.

В этот момент он почувствовал что-то неладное, но не успел обернуться, как в его ногу

врезалась сила. Он неожиданно потерял равновесие и упал вперёд.

В ноге разлилась острая боль, он услышал крики одноклассников и, не в силах удержаться, схватился за стол. Инерция бросила его вперёд, и он не смог устоять.

С громким стуком его голова ударилась о что-то твёрдое. Ся Цинцы опустился на одно колено, чувствуя, как боль разливается по всему телу. Он ощутил, как что-то тёплое стекает по лицу, и, открыв глаза, увидел размытое красное пятно.

— Староста!

— Староста, ты в порядке?

Вокруг него зашумели, класс погрузился в хаос. Ся Цинцы чувствовал, как в ушах звенит. Он провёл рукой по лицу, и пальцы стали липкими от крови.

Среди суеты кто-то поднял его с пола. Руки были холодными и тонкими, движения осторожными, словно боялись причинить боль. К его лицу прижали салфетку, и он услышал знакомый голос:

— Отведите его в медпункт.

Се Бинмянь передал Ся Цинцы Е Ци, который, с сомнением взглянув на него, кивнул и бросил предупреждающий взгляд на парней с задних рядов. Он повёл Ся Цинцы, оставив на полу несколько капель крови.

В классе воцарилась тишина, атмосфера стала напряжённой.

Се Бинмянь стоял с каменным лицом, его глаза были тёмными и холодными, словно покрытыми льдом. В нём чувствовалась опасность и ярость.

— Кто это сделал?

Мёртвая тишина. Никто не осмеливался говорить.

— Сделали и боитесь признаться? — произнёс Се Бинмянь, и в его голосе прозвучал лёгкий смешок, но в глазах не было и намёка на веселье.

— Даю вам три секунды. Три, два, один...

На последнем счёте кто-то встал.

— Второй брат, я не хотел... Я просто хотел пошутить, не думал, что он упадёт...

Парень, вставший, заикался, нервно глядя на Се Бинмяня.

— Он пришёл за нашими заданиями, настаивал, чтобы мы сдали, а потом поговорил с Сунем... Меня это задело, и я...

Парень говорил осторожно, пытаясь объяснить. Они не понимали, зачем Се Бинмянь вмешивается, и надеялись, что извинений будет достаточно.

— Не хотел? — Се Бинмянь подошёл ближе, и парни замерли. Только один из них говорил, остальные молчали.

В его глазах горел огонь, и он схватил парня за воротник, прижав к стене.

— Хах.

Смешок и глухой удар о стену прозвучали одновременно. Парня ударили головой о стену, и на его лбу сразу выступила кровь.

В классе стояла гробовая тишина. Никто не осмеливался пошевелиться.

На руке Се Бинмяня выступили вены, он смотрел на парня, который теперь стоял на коленях, и лениво произнёс:

— Я тоже не хотел. Просто у меня плохое настроение, и сегодня тебе придётся потерпеть.

Потерпеть побои.

Далее последовала односторонняя расправа, и второй парень даже не пытался сопротивляться, не смея поднять руку.

Парень лежал на полу, его лицо было в синяках, он не мог пошевелиться, боль разливалась по всему телу, и он не мог вымолвить ни слова.

<http://bllate.org/book/16896/1566588>